

только наличие «личного интереса», но и обладание характером деятельным и целеустремленным. Все эти качества помогают неверным женам избежать гнева ревнивых мужей, выручают простофилю юре, забывшего объявить прихожанам о начале поста, вызывают из беды деревенского священника, похоронившего на кладбище любимого пса и призванного к ответу епископом; находчивость же и инициативность позволяют молодому клирику открыто забавляться с женой своего патрона, а благочестивому отшельнику – вкусить любовь молодой девицы. Это обилие любовных историй отразило прежде всего развлекательный, праздничный характер книги, связанный с травестирующими тенденциями народной карнавальной культуры позднего Средневековья. Для многих новелл сборника типичен мотив любовной связи людей разной сословной принадлежности: родовитые дворяне волочатся здесь за простыми служанками, а их жены домогаются любви обыкновенного конюха или лакея. Как правило, подобные коллизии не приводят к трагическим конфликтам и тем более драматическим развязкам, что указывает не только на оптимистический тон книги, но и на отразившееся в ней постепенное вызревание новой, уже внесословной морали. Но многие ситуации трактуются в «Ста новых новеллах» еще в духе «доброе старое времени», то есть достаточно прямолинейно и упрощенно.

Пожалуй, одной из самых важных черт книги было отсутствие в ней антифеминистских настроений; напротив, создатели сборника не без откровенного восхищения описывают замысловатые уловки неверных жен и глумливо смеются над незадачливыми рогносоцами. Нет в новеллах и осознанно сатирического изображения монахов и священников. Если они и оказываются невежественными и глупыми, то природная смекалка позволяет им выпутываться из, казалось бы, безнадежных положений, о чем говорится явно одобрительно. Правда, в книге есть и трагические новеллы, например история о неверной жене, попавшей в расставленную мужем ловушку и сожженной заживо, но преобладает в сборнике веселый, жизнерадостный тон. Языком сборника, безыскусственным и дающим емкие речевые характеристики в диалогах, восхищался Анатоль Франс, заметивший, что это «язык яркий, сжатый, выразительный. Настоящий исконный французский язык».²

«Сто новых новелл» положили начало французской ренессансной новеллистике и во многом определили ее дальнейшие пути.³ На страницах сборника вместо аллегорических фигур городской дидактики и условно фантастических персонажей куртуазных романов, вместо социально дифференцированных, но схематичных действующих лиц фаблио появляются индивидуализированные характеры с личной судьбой и частными интересами.

В «Ста новых новеллах» перед нами уже сложившийся тип новеллистической книги, который будет затем варьироваться на множество ладов, но в основе своей останется неизменным. В первую очередь это не случайное, а продуманное собрание новелл, это определенным образом организованный цикл, как бы делающий заявку быть большим, чем просто собрание рассказов. Цикл предполагал и некую общую стилистическую тональность, и единый угол зрения на изображаемое, и более широкое, чем в изолированном рассказе, воспроизведение действительности. Затем, именно в процессе циклизации, производилась перелицовка иноземных сюжетов на французский лад (если использовались чужие сюжеты) или же происходило переосмысление старых национальных повествовательных моделей, что столь специфично именно для Возрождения во Франции (в котором некоторые исследователи не без основания видят не только освоение античности, но и возврат к готическому наследию).

На заре Ренессанса, особенно после появления книгопечатания, забавные реалистические истории одинаково находили читателя и в стенах замка или королевского дворца, и в лавке торговца или купеческой конторе, и в монастырской келье, и в тесной аудитории университета, и в крестьянском доме. Это не значит, конечно, что везде характер читателя был одинаков и что авторы новеллистических циклов не тяготели к той или иной литературной традиции, не ориентировались на разного читателя, не отражали жизни и взглядов различных социальных слоев. И все-таки авторы новелл в значительно меньшей степени адресовались к собратьям по классу, по сословию, чем к землякам. Последним бывали понятны намеки, содержащиеся в новеллах, безусловно, памятные

---

² Франс А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 15.

³ Об общих особенностях новеллистики французского Возрождения см. работу: Pérouse G. A. *Nouvelles françaises du 16e siècle: images de la vie du temps*. Genève, 1977.